
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Б.А. Ерзнкян

На основе беглого обзора история возникновения и развития институциональной экономики рассмотрены происходящие в ней теоретико-методологические сдвиги в форме новых явлений и тенденций и предложены некоторые выводы для институциональной практики.

Ключевые слова: институциональная экономика, теоретико-методологические сдвиги, явления, тенденции, институциональная практика.

1. ВВЕДЕНИЕ: ИЗМЕНЕНИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Институциональная экономическая наука, возникновение которой можно отнести к XIX, а расцвет к XX в., традиционно фокусировала свое внимание на роли институтов. Причем различные авторы понимали и понимают их суть по-своему, определяя как области принятия экономическими агентами тех или иных решений, относящихся к их деятельности. В ходе развития институциональной экономической науки – по большому счету изначально разнонаправленной – и усложнения хозяйственной жизни на древе институционализма появлялись новые ответвления. Так, в

© Ерзнкян Б.А., 2012 г.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 11-06-00348).

начале своего пути основное внимание науки было приковано к институтам как совокупности правил и норм. Ключевые идеи были представлены Т. Вебленом, У. Митчеллом, Дж. Коммонсом.

Тот, ныне называемый «старым», институционализм в целом так и остался на периферии основной экономической мысли, сойдя ко времени начала Второй мировой войны практически на нет, чтобы в 1960–1970-е гг. возродиться вновь – теперь уже в качестве «нового» институционализма. Со временем, однако, пришло понимание того, что не все в этом «новом» – новое. Одни ученые, как, например, Дж. Ходжсон или последователи австрийской школы, стали продолжать линию «старых» институционалистов, хотя и в новых условиях. Другие пошли на сближение с неоклассикой, ставшей к этому времени в высшей степени формализованной наукой, занявшей благодаря возможности использования строгого математического аппарата доминирующее положение – во многом объясняемое, помимо чисто внутри-научных, политическими и идеологическими соображениями – в современной экономической науке. Это привело к возникновению неoinституционализма, в котором основное внимание сконцентрировалось на взаимодействии формальных и неформальных норм, видах экономических организаций, типах поведения экономических агентов, роли государства и рынка, правах собственности, трансакционных издержках. Наиболее яркими представителями данного направления являются Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон.

Такое деление несколько условно в том смысле, что не всегда можно однозначно разделить экономистов по их принадлежности к тому или иному институциональному направлению. Так, ряд экономистов неортодоксального направления, убежденные в том, что господство неолиберализма в современной экономике отбросило назад развитие целых регионов мира и что пора вспомнить, как устроен шумпетеровский капитализм повышающей отдачи в материальном иннова-

ционном секторе, объединились под знамена течения, известного под названием *другого кано́на* (см., напр.: (Райнерт, 2011)). Их идейным вдохновителем является не шотландец Адам Смит, а итальянец Антонио Серра, чья теория хозяйственного развития (1613) на основе синергетического отраслевого разделения труда и увеличивающейся отдачи продолжала считаться классической вплоть до конца XIX в.. Последователями А. Серра были американец Александр Гамильтон, немец Фридрих Лист, российский министр финансов С.Ю. Витте, австрийцы Йозеф Шумпетер и Карл Поланьи, швед Гуннар Мюрдаль, японец Канаме Акамацу, поляк Михал Калецкий и др.

Следует предостеречь от примитивного представления о развитии институциональной экономики как динамического колебательного процесса, где борьба мыслей разворачивается в спектре исключительно с двумя полюсами (Ерзнкян, Акинфеева, 2011, с. 98). Так, возможно и «божественное» – не суть важно, как именуется полюс: божеством, природой, высшим разумом или ноосферой, хотя возможно и то и другое – представление о месте и роли институтов в современном мире. Такого понимания институционального устройства мира экономики, где на вершине иерархии стоит ноосфера, практически не отличимая от божественного начала, а у подножия – предприятия, с присущими им органически морально-этическими и разумно-высшими установками, определяющими их целевые функции, придерживается А.А. Зарнадзе в своей теории целостности (Зарнадзе, 2011).

Говоря о «божественном», отметим, что религиозное мышление среди экономистов – даже если они не отдают себе в этом отчета – является довольно распространенным явлением. «Экономисты, – пишет Роберт Нельсон в предисловии к своей красноречиво названной книге *«Экономика как религия»*, – думают о себе как об ученых, но ... они скорее теологи. Самые близкие [их] предшественники ... не ученые, такие, как Альберт Эйнштейн или Исаак Ньютон, правильнее было бы сказать, что [экономисты являются] в действительно-

сти наследниками Фомы Аквинского и Мартина Лютера» (Nelson, 2001, p. XV).

Интересно, что выводы А.А. Зарнадзе и Р. Нельсона об ортодоксии и новой институциональной экономике, идущей по пути сближения с неоклассикой, похожи, во всяком случае, как нам представляется, в том, что касается дальнейшего развития экономической теории. «Экономисты не много бы потеряли, вернувшись в своих методах исследования к подходам старых исторической и институциональной школ. Они могут подумать, что в этом случае они потеряли бы свои научные достоинства, но было бы правильнее сказать, что они отказались бы от своего научного лицемерия» (Nelson, 2001, p. 229).

В определенном смысле срединное положение между различными полюсами занимают сторонники системного подхода к экономике и ее институциональной структуре. Именно стремление системного охвата явлений удерживает их вольного или невольного соблазна впасть в одну из крайностей, коими полна современная экономическая наука. Отечественные последователи системных институционально-экономических исследований группируются, в частности, в де-факто научной школе, возглавляемой/вдохновляемой чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнером, будь то в Центрально-экономическом институте Российской академии наук, Государственном университете управления или, скажем, Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации (см., например (Клейнер, 2004)).

Такова вкратце история возникновения и развития институциональной экономики. Ее подробное изложение применительно к современному этапу развития, дополненное текущими событиями в области эволюционной экономики, является предметом настоящей статьи. Точнее, целью работы является выявление новых явлений и обнаружение сложившихся или формирующихся тенденций в развитии современной институциональной экономической науки. При этом следует учесть, что грань между новыми явлениями,

наблюдаемыми в институциональной (эволюционной) экономике, и возможными тенденциями ее развития зыбкая, поскольку не все явления могут приобрести характер тенденций. Более того, не исключена возможность появления тенденции, которая – по субъективным либо объективным причинам – не была выявлена и (или) ее невозможно было предвидеть прежде (Ерзнкян, 2011а).

2. ИЗМЕНЕНИЯ-ЯВЛЕНИЯ

1. Появление неоднозначно интерпретируемых взглядов на природу различий между институциональной экономикой (и шире – ее различными ответвлениями, а также остальной гетеродоксией) и современным экономическим мейнстримом (ортодоксией, неоклассикой в своей традиционной основе или инерцией).

Так, к примеру, ознакомление с методологическими обоснованиями экономической науки Тони Лоусона, показывает, что проводимое им различие в гетеродоксальных подходах экономистов происходит не на глубинном, онтологическом уровне, а на сравнительно поверхностном уровне – уровне предположений – их простой заинтересованности в освещении тех или иных проблем (Lawson, 2005). Противоположной точки зрения придерживается Дж. Ходжсон, согласно которому, такое объяснение, во-первых, не является убедительными, а во-вторых, игнорирует специфическую онтологическую перспективу «вебленовского» направления институциональной и эволюционной экономики с акцентом на алгоритмах и системах правил (Hodgson, 2006).

Само представление об интерпретируемом объекте, представленное, как правило, в рамках различных научно-теоретических подходов, оказывается в сильной семантической зависимости от теоретико-методологической платформы научной области исследователя. Так, например, близкие, казалось, другу

к другу социэкономисты и представители экономической социологии используют при анализе экономических явлений, в том числе связанных с институциональной тематикой, различные подходы: первые разрабатывают подход, базирующийся на синтезе элементов экономической теории и социологии, в то время как вторые применяют исключительно социологические подходы. Другим примером могут служить политэкономические подходы к институтам: язык и, соответственно, видение мира представителей новой политэкономии существенно отличается от языка и видения представителей традиционной политэкономии. В этой связи небезынтересно отметить, что многие кафедры политэкономии в отечественных вузах перекавалифицировались в результате рыночно ориентированных реформ в кафедры экономической теории – и эта печать прошлого присутствует, где в большей, а где и в меньшей степени, до сих пор. Выражается это нередко в крене в сторону одного из направлений экономической мысли, невзирая на то, что современная экономическая наука вбирает в себя многие, иногда комплементарные, порой альтернативные, зачастую, конкурирующие, а то и противоречащие друг другу направления и ответвления. Та же современная институциональная экономика в ее неинституциональной версии гораздо ближе к неоклассике, чем к старому институционализму Веблена, Коммонса, Митчелла и др. (Ерзнкян, Акинфеева, 2011, с. 104–105).

2. Усиление размежевания экономистов, включая приверженцев институциональной теории, обусловленное не столько наличием внутренних (парадигмы, школы, течения) причин, сколько преобладанием в целом внешних по отношению к науке причин (идеология, политика). Следствием подмены логики собственно научного развития псевдонаучной заинтересованностью представителей цеха ученых в отстаивании/проталкивании тех или иных идей является усиление степени их собственной – вольной или невольной – ангажированности. Анализу причин и механизмов политизации экономической науки – «пятой

власти», по словам В.В. Клочкова и Б.А. Панина, – описанию ее предпосылок и возможных последствий, равно как моделированию системы финансирования экономической науки и выработке рекомендаций по ее совершенствованию, посвящена в числе прочих статья (Клочков, Панин, 2011).

2.1. *Вольная ангажированность*. Пример такой ангажированности, в особенности в российской действительности, являют собой многие из официально признанных [и наделенных] властью приверженцев доминирующей в экономическом магистральном течении неоклассической парадигмы, ставшей волею вольно ангажированного круга людей для российской экономики руководством к действию. Свою правоту они отстаивают не в открытых научных дискуссиях, а в основном путем замалчивания или высмеивания позиций своих оппонентов, базирующихся на иных, чем неоклассика аксиомах и предпосылках. И это происходит в то время, как «многочисленные аномальные факты опровергают ее фундаментальные аксиомы, включая предпосылки оптимального экономического поведения, ведущего к установлению рыночного равновесия». Но проблема (для науки, а для страны – беда) как раз и состоит в том, что «последнее в реальных экономических системах, находящихся в состоянии постоянных изменений, никогда не достигается», и это «ставит под сомнение адекватность классических положений экономической теории» современным социально-экономическим реалиям (Ерзнкян, 2009, с. 201).

Конкретизацией примера служит бурная и насквозь мифологизированная приватизационная деятельность Анатолия Чубайса, прикрытая вначале ссылками на экономическую теорию, якобы предвещающую появление множества эффективных собственников, а по прошествии времени признанная им же самим идеологическим маневром. На то были веские, как он представлял в интервью газете «Financial Times» (13 ноября 2004 г.), причины: «у “красных директоров” была огромная власть – политическая, административная,

финансовая... Нам нужно было от них избавляться, а у нас не было на это времени. Счет шел не на месяцы, а на дни». К тому же, «не было выбора между “честной” и “нечестной” приватизацией... Единственный выбор, который у нас был – либо бандитский капитализм, либо бандитский коммунизм». По такой логике получается, что из двух зол, коль скоро третьего (зла?) не дано, выбор был сделан в пользу наименьшего.

В качестве теоретического прикрытия для своих политических, идеологических действий реформаторы нередко приводили теорему Коуза, хотя она «не могла и не использовалась авторами программ приватизации в качестве единственного обоснования своих действий без дополнительного анализа и значительного числа уточнений» (Андрефф, 2003, с. 124). Оставляя в стороне настолько спорную состоятельность теоремы Коуза, включающей такие изъяны, что при попытке доказательства она с неизбежностью превращается «либо в тавтологию, либо в ложное высказывание» (Кутер, 2004, с. 61), укажем на методологический изъян, присущий многим сторонникам как ортодоксальной, так и институциональной экономики. Заключается он «в ошибочном толковании *возможности* эффективного перераспределения прав собственности как его *необходимости*, как феномена, который *непрерывно должен осуществляться*». Подмена понятий, отражающих *модальную сущность* теоремы, выражается в следующем: возможность частных агентов «*достичь эффективных результатов*» в своей деятельности при условии четкого определения законодателями прав собственности и контрактных обязательств и наблюдения органов юстиции за их соблюдением трактуется в духе «*достигнут результатов*», а затем и вовсе – «*достигли результатов*» (Ерзнкян, 2005, с. 2–3). Это видно из иной формулировки теоремы Коуза: «Правительства, нацеленные на создание рыночной экономики, должны, прежде всего, сформировать эффективную юридическую систему, с помощью которой четко определяются права собствен-

ности, легко защищаемые и обмениваемые. Даже если правительство ошибется в первоначальном распределении прав собственности, согласно теореме Коуза, частные агенты исправят эту ошибку в процессе свободных обменов, заключая соответствующие частные контракты» (Rapaczynski, 1996, p. 89).

Подобного рода случаи подмены экономических предпосылок ради достижения политических целей нобелевский лауреат 1974 г. Гуннар Мюрдаль назвал *оппортунистическим невежеством*. Отдельный вопрос, добавим, характер – намеренный или непредумышленный – проявления такого невежества. Пример двойственного, обусловленного ситуацией, подхода: предпосылка возрастающей отдачи как способа увеличения богатства усиленно использовалась политиками для склонения избирателей в сторону ЕЭС (доклад Чеккини, 1986 г.), в то время как для налаживания торговли с Африкой более подходящей для них оказалась теория Риккардо, отрицающая существование возрастающей отдачи (Райнерт, 2011, с. 70).

2.2. *Невольная ангажированность.*

Пример: Егор Гайдар, судя по всему, искренне верил (или, точнее, с какого-то момента поверил) в непогрешимость неоклассических постулатов и существование незыблемых экономических законов, опираясь на которые предпринял попытку построения (азбучной) рыночной экономики (для живущей не по азбуке страны). Завороженный, по всей вероятности, безупречной внутренней логикой стандартной экономической науки, он не учел, что «парадигме, – как писал Томас Кун, – не хватает понятийных инструментов для объяснения социально значимых проблем», не говоря уж об их решении.

2.3. *Вынужденная (volens nolens) ангажированность.* В примерах такой, своего рода добровольно-принудительной, ангажированности есть как субъективная, так и объективная составляющая. Так, необходимость иметь публикации в журналах из перечня ВАК заставляет заинтересованных в этом лиц соответствовать их требованиям; но это пал-

ка о двух концах, и это характерно не только для нашей страны; собственно говоря, такая практика является не более чем заимствованием. Bruno Frey (2009) так описывает ее: с одной стороны, ученые вовлечены в обязательную деятельность, связанную с преподаванием, руководством диссертантами, информированием и консультированием публики, участием в деятельности университетской администрации, с другой им непременно следует публиковать свои труды в соответствии со стандартным принципом «публикуйся или погибни». Оба вида деятельности затратные, отнимающие много времени и сопряженные со значительными психологическими нагрузками и переживаниями. Многие западные университеты предъявляют строгие требования к претендентам на должность профессора, связывая возможность ее получения с наличием публикаций в журналах высшей категории (А-журналах). Доступ в эти журналы (всего-то их, по не писаным правилам, пять) в высшей степени затруднен: среди счастливицков преобладают представители научного сообщества США и в первую очередь ученые из наиболее престижных университетов. И дело здесь не только в качестве публикаций. В результате возникает дилемма: заниматься сопутствующими ученому видами деятельности (чтением лекций и пр.) и печататься в менее престижных (но объективно не худших) журналах либо бросить все свои силы на преодоление барьера престижного журнала. Иными словами, ученые оказываются перед необходимостью выбора одного из двух мотивационных механизмов: отдать ли предпочтение механизму «внутренних» стимулов (следовать своему призванию) или руководствоваться при принятии решений механизмом «внешней» мотивации (добиться успеха, преуспеть). В результате возникают традиционные для экономики эффекты нежелательного, неблагоприятного отбора, полного или частичного вытеснения, когда внешне мотивированные индивиды обходят или вообще оставляют за бортом внутренне мотивированных индивидов (Ерзнкян, 2010).

3. Простота (усложняющаяся в абстрактном пространстве математических упражнений) против *релевантности* (реального мира протекания экономических процессов).

Этот пункт является одним из центральных в методологическом противостоянии неоклассики и традиционного институционализма. Как пишет Т.В. Гайдай со ссылкой на Б. Селигмена, «отвлеченно-формализованный и предельно математизированный подход экономической ортодоксии» к отражению реалий экономической жизни имеет помимо «несомненных преимуществ и аналитических возможностей также и оборотную сторону – ограниченность познания общественных связей, отношений, социального фона реализации экономических процессов» (Гайдай, 2011, с. 62). В самом деле, экономика по своей природе наука общественная, призванная изучать «то, как действует человек в сложном окружении. С помощью моделей можно, вероятно, раскрыть некоторые черты этой сложной действительности, но содержательными модели будут лишь в том случае, когда они содействуют решению назревших социально-экономических вопросов» (Селигмен, 1968, с. 19).

Иногда о неумении решать или даже ставить в научном ключе такие вопросы говорят как о кризисе экономической науки (Полтерович, 1998). Нам, однако, представляется, что было бы корректнее вести речь о несоответствии дедуктивных (взятых из головы) построений сторонников – вольных или невольных – неоклассики реальным проблемам экономики, многие из которых находят свое выражение (но не решение) в индуктивных (основанных на опыте) описаниях приверженцев институциональной (в ее различных проявлениях) экономики.

Это несоответствие вызвано продолжающимся (усиливающимся) разрывом между реально наблюдаемыми (*частными*) институциональными фактами и объяснительной базой стандартных (*общих*) представлений об экономическом мироустройстве.

4. Пересмотр или корректировка собственных воззрений представителей совре-

менной институциональной экономики различной направленности.

Институциональная экономика как наука не стоит на месте, следствием чего является наблюдаемое время от времени изменение взглядов самих ученых на лежащие в ее основе постулаты и принципы и, как побочный эффект, впечатление о «легкомысленном» характере самой науки. В принципе, однако, переоценка своих взглядов – это нормальное явление, и на то могут быть различные причины – объективные (логика развития науки, появление новых обстоятельств, углубленное понимание сути явлений и др.), субъективные (личность ученого, его эволюция и пр.), возможно, иные, хотя грань между ними может быть не совсем четкой.

Приведем несколько примеров.

- Дуглас Норт (North, 1990) (рус. пер.: Норт, 1997) отмечает, что в работе 1973 года он вместе с Робертом Томасом (North, Thomas, 1973) предложил «рассматривать институты как детерминирующие факторы экономического процесса, а изменения в соотношении цен – как источник институциональных изменений». Обоснованием служило то, «что изменения ценовых пропорций дают толчок к созданию более эффективных институтов». С таких позиций «упорное существование неэффективных институтов, как, например, в Испании» объяснялось тем, «что правительство, преследуя фискальные цели, сужает временные рамки экономической деятельности и тем самым создает разрыв между побудительными мотивами частной деятельности и общественным благосостоянием. Подобная аномалия не вписывалась в теоретические рамки» (Норт, 1997, с. 22). Спустя восемь лет (North, 1981) он отошел «от идеи рассмотрения институтов с точки зрения их эффективности», предположив, что «руководители государств создавали систему прав собственности в своих интересах, а трансакционные издержки вели к доминированию обычно неэффективных прав собственности». Такая смена взгляда позволила ему дать иное объяснение существованию «на протяжении всей истории, включая наше

время, таких прав собственности, которые не продуцируют экономический рост» (Норт, 1997, с. 22).

• В начале 2011 г. Джеффри Ходжсон ознакомил коллег с намерением заменить понятие «нисходящей причинной обусловленности» (*reconstitutive downward causation*) на более адекватное понятие – «нисходящие эффекты» (*reconstitutive downward effects*). Первое понятие служило для передачи факта взаимозависимости институтов и присущей их связям каузальности (см., напр. Hodgson, 2003, 2004; Ерзнкян, 2011; Шаванс, 2011). Каузальные процессы сами по себе разнонаправлены, что же касается причин, то они, будучи связанные с социальными структурами, «не ограничиваются установлением пределов и ограничений для поведения, а затрагивают и видоизменяют также фундаментальные качества индивидуумов, их возможности и склонности». При воздействии более высокого иерархического уровня «на компоненты более низкого уровня, имеет место особый и явный случай «нисходящей причинности», которую можно назвать *нисходящей причинной обусловленностью*». Институты при этом являются собой «особые социальные структуры, наделенные такой принципиально важной, продолжительной и широко действующей нисходящей причинной обусловленностью по отношению к индивидуумам» (Hodgson, 2004. р. 188). Необходимость введения *второго понятия* Ходжсон объяснил тем, что причинно-следственное объяснение природы связей является натяжкой, поскольку каузальности как таковой нет, а потому лучше заменить «каузальность» более нейтральным понятием «эффекты».

• Сложные отношения по вопросу о характере институциональных изменений, их динамики и эволюции. Дарвин или Ламарк? Кому отдать предпочтение, чья теория лучше подходит для объяснения экономического развития? В последнее время эту тему заострил и привлек к ней внимание Дж. Ходжсон, сетуя на то, что его недавно опубликованные совместно с Т. Кнудсеном работы по эволюционной

экономике зачастую неверно истолковываются (Hodgson, Knudsen, 2006, 2010). С одной стороны, утверждается, что «вслед за Нельсоном и Уинтером – за исключением Ходжсона и Кнудсена... – большинство экономистов эволюционного толка солидаризируются с тем, что социально-экономическая эволюция является в определенной степени частично ламаркистской» (Pelikan, 2010), с другой – что «культурная эволюция, подобно биологической, вовсе и не является ламаркистской» (Mesoudi, 2011. р. 44). Причина такого разночтения заключается в том, что Ходжсон и Кнудсен «допускают возможность наличия процессов, в которых приобретенные свойства интерактора (социальный фенотип) могут оказывать воздействие на его репликаторов (социальные генотипы)». Из этого, однако, не следует, что эти процессы могут быть описаны как ламаркистские. Основания таковы: а) ламаркизм и дарвинизм не являются конкурирующими теориями, и б) будь социальная эволюция ламаркистской, она была бы также дарвинистской (Hodgson, Knudsen, 2006, 2010).

5. Усиление внимания к финансовой сфере в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом.

Оно проявляется в возобновлении интереса к длинноволновой динамике экономического и институционального развития. Неконтролируемый рост финансового сектора действительно явился катализатором кризиса. Но явился ли он его причиной, и в какой степени кризис был неожиданным? Для Карлоты Перес сложные, противоречивые взаимоотношения производственного и финансового секторов не несут в себе ничего загадочного, как собственно и наблюдаемые более или менее регулярно на протяжении примерно семи десятка лет кризисы. Все это вполне укладывается в ее технико-экономическую парадигму с четырьмя фазами развития переживаниями капитала из финансовой сферы в производственную и наоборот – в зависимости от фазы развития. А они таковы: на *первой фазе* имеет место технико-экономический раскол: осуществление технологической ре-

волюции сопровождается уходом старых отраслей и безработицей; *вторая фаза* – это времена финансового пузыря, характерной особенностью которых является интенсивное финансирование революции, «размолвка» в системе, поляризация, «позолоченный век». Далее, *третью фазу* Перес называет «золотым веком», и характеризуется она интенсивным ростом, положительными внешними эффектами, высокой занятостью и производительностью; *четвертая, фаза* знаменует социально-политический раскол (последние товары и отрасли, насыщение рынков и технологическое старение, разочарование vs. постоянства) (Перес, 2011, с. 77).

Здесь хотелось бы заострить внимание на одном обстоятельстве. Говоря о финансовых пузырях и подчеркивая ее волновую (имеются в виду К-волны) природу, экономисты неортодоксального толка (ортодоксы волнами не оперируют) нередко упускают из виду, что рост финансового сектора обусловлен не только волновой природой экономического развития. В современном мире финансовая сфера является основой транзакционного сектора, динамика которого, во-первых, является индикатором происходящих в экономике и обществе институциональных изменений, а во-вторых – детерминантом динамики развития национальных государств и мировой социально-экономической системы в целом (Ерзнкян, Ерзнкян, 2009). При этом важно отметить, что лет 150 назад доля транзакционного сектора в экономике США составляла примерно четверть ВВП, лет 50 назад она перевалила через половину, а затем – к моменту кризиса – составила почти три четверти. Похожая картина с различными вариациями, объяснимыми спецификой национальных экономик, наблюдалась и в других странах. Поэтому объяснить почти 150-летний рост финансовой составляющей транзакционного сектора только кондратьевской динамикой было бы неверно, и это обстоятельство не следует игнорировать.

6. Усиление внимания к проблематике власти (см., напр.: (Дементьев, 2004; Ерзнкян, 2006, Олейник, 2011)).

Анализируя проблему власти в институциональной экономической теории, В.Е. Дементьев сопоставляет различные подходы к исследованию феномена власти, встречающиеся в различных экономических концепциях. Подчеркивая слабую разработанность проблемы власти в современной экономической теории, в том числе неортодоксальных ее ответвлениях, он показывает *inter alia* методологическую ограниченность транзакционного подхода для анализа проблем власти и аргументирует необходимость включения в предпосылки поведенческой модели неравенство экономических агентов и ограниченную добровольность транзакций. Особое значение имеет то, что им обосновывается необходимость включения проблемы власти в предмет экономического анализа (Дементьев, 2004).

Б.А. Ерзнкян изучает феномен власти на основе институционального (транзакционного) анализа отношений между государством и бизнесом, раскрывает специфику «контрактных» отношений между ними на конкретном примере российского топливно-энергетического комплекса, где в качестве игроков представлены, с одной стороны, государство, с другой – соответственно нефтяные, газовые и энергетические компании. В силу асимметрии распределения властных отношений государство может навязывать Н-, Г- и Э-игрокам свою волю, причем – и это существенно – избирательно, во многом в зависимости от степени лояльности игроков и их готовности делиться с властью природной рентой (Ерзнкян, 2006).

А.Н. Олейник развивает идею представления власти по схеме, как он это называет, «от диады к триаде». В неоклассической экономике вопросы власти рассматриваются разве что в контексте рыночной власти как способности продавца или покупателя влиять на цены, складывающиеся на рынке. В то же время, «политологи и социологи, для которых проблемы изучения власти отнюдь не находятся на периферии исследовательской программы, понимают власть иначе: помещают

ее в контекст взаимодействия между людьми» (Олейник, 2011, с. 19). Власть в их представлении сводится к способности одного субъекта навязывать «свою волю другому вопреки его возможному сопротивлению, в результате чего изменяется порядок предпочтений последнего» (Weber, 1968, р. 53).

Для понимания специфики триады власти само по себе появление третьей стороны в транзакции между двумя субъектами рынка не так уж важно; более того, это тривиально, во всяком случае, если вспомнить различные трактовки транзакции Дж. Коммонсом. Уместно также вспомнить работы, в которых рассматривается в качестве единицы социально-экономического анализа триада «экономика – общество – государство». Такой, системный по своей сути, подход изначально предполагает наличие третьей стороны в большинстве транзакций. Так, например, Г.Б. Клейнер, рассматривая подобную триаду, вменяет государству в обязанность выполнение функций, неподвластных ни экономическим, ни социальным субъектам. В их числе: *функция интеграции* (включая производство некоторых общественных благ в условиях незаинтересованности в этом субъектов рынка ввиду проблемы «безбилетника»), *функция институционального менеджмента* («выращивание» и заимствование институтов как особого вида общественных благ), *функция бенчмаркинга* (влияние на порядок предпочтений экономических и социальных субъектов) и др. (Клейнер, 2008).

И все-таки специфика модели триады власти в понимании А.Н. Олейника несколько иная, и в ней различия между диадой и триадой «носят не столько количественный, сколько качественный характер: если диада власти является базовым элементом политической или экономической власти, то триада власти создает *предпосылки для их сочетания*». Важно при этом то, что «именно триада власти воплощает в себе ключевую конфигурацию отношений между представителями государства и бизнесом в постсоветском контексте» (Олейник, 2011, с. 24).

7. Привлечение внимания к осуществлению *институционального синтеза*.

С институциональной точки зрения задача экономической науки не только в том, чтобы составить прогноз, понять систему взаимосвязей, но и дать рекомендации, обосновать рецепты соответствующих изменений в политике, человеческом поведении, общественном сознании. Экономические проблемы важны не сами по себе, а в их взаимосвязи с социальными, политическими, этическими и правовыми проблемами. Поэтому смысл институционального подхода состоит в том, чтобы не ограничиваться анализом экономических категорий и процессов в чистом виде, а включить в анализ институты, учитывать внеэкономические факторы (Ерзнкян, Акинфеева, 2009). Более того, не следует ограничиваться только *анализом*, следует также обратить более пристальное внимание на то, что может быть названо *институциональным синтезом*.

В этой связи уместно напомнить, что в одной из последних работ академика Д.С. Львова с его коллегами были рассмотрены особенности институциональной теории и требования, предъявляемые к одноименному учебнику. Базируясь на том, что свойства социального мира представляются в теории в виде совокупности необходимых и достаточных условий существования и развития рода человеческого в его разнообразии, было показано, что такой подход шире и глубже подхода, развиваемого в традиционных учебниках по институциональной экономике (Львов и др., 2007). По мнению этих авторов, в учебной дисциплине и ее преподавании следует акцентировать внимание на таких сюжетах, которые обычно игнорируются или недостаточно освещаются в стандартных учебниках. В их числе:

- институциональная практика;
- историческая логика;
- новейшие достижения институциональной теории;
- нормативный (помимо позитивного) характер теории;

- комплементарный характер старой и новой институциональной экономики;
- построение справедливого общества;
- построение гомогенного в смысле достижения справедливости общества;
- эффективные институты, конституирующие справедливое общество;
- принцип методологического плюрализма;
- различные модели поведения и институциональные структуры;
- альтернативные механизмы и структуры управления межфирменными взаимодействиями;
- институциональный образ предприятия;
- обоснование возможности и необходимости модернизации комплементарных институтов (Львов и др., 2007, с. 12–17).

К этому перечню добавим, что ключевыми моментами в теории институтов, исходя из разделяемой нами логики упомянутых авторов, являются, во-первых, рассмотрение экономики в качестве подсистемы более широкой, социальной, системы, во-вторых – нормативный характер институциональной экономики.

8. Привлечение внимания к осуществлению *институциональной политики и управлению институтами*.

В связи с требованием нормативности сделаем одну существенную оговорку. Людвиг фон Мизес, как известно, категоричен в утверждении, что «нормативной науки, науки о том, что должно быть, не существует» (Мизес, 2001, с. 48). В определенном смысле это так, но в условиях необходимости проведения глобальных общественных перемен, в том числе инновационной направленности, полагаться на эволюционный характер осуществления институциональных изменений не представляется разумным. Отсюда необходимость в осуществлении революционных изменений, что можно сделать только на основе реализации *телеологического подхода*, включающего осуществление *государственной институциональной политики*. В самом широком смысле

такую политику можно определить через меры, проводимые государством, его действия по формированию новых, устранению старых или трансформации имеющихся собственных, трудовых, финансовых, социальных и других экономических институтов. Ее целью должно стать формирование и функционирование адекватной и эффективной институциональной инфраструктуры, способной восстановить и развить государственную систему России. При этом управление институтами должно быть нацелено на совершенствование отношений собственности, стимулирование перехода предприятий к современным формам организации бизнеса, развитие конкуренции между субъектами рынка и т.п.

Институциональная политика подразумевает формирование соответствующей рыночным принципам и задачам промышленной политики правовой и организационной среды, утверждение общего для всех хозяйствующих субъектов порядка, правил поведения. Эта политика должна охватить реформирование предприятий в соответствии с современной структурой экономики, развитие и всестороннюю поддержку малого предпринимательства, формирование крупных конкурентоспособных корпоративных и холдинговых образований (в частности финансово-промышленных групп), проведение мероприятий по переходу госсобственности в частное владение (приватизация) или наоборот (национализация), законодательное формирование и поддержку новых рыночных институтов. Инструментарий институциональной политики может включать: различные лицензии, нормативы, нормотворчество, формирование эффективных организационно-хозяйственных структур, преобразование отношений собственности, обеспечение рыночных процессов соответствующей правовой базой, разработка правовых основ создания, функционирования и ликвидации предприятий, в том числе через процедуру банкротства. Важно также отметить, что государственная политика в сфере институтов должна быть направлена не только на поддержание нормального функци-

онирования институтов, но и на их обновление и модернизацию в ситуации, если в этом имеется объективная потребность со стороны общества.

3. ИЗМЕНЕНИЯ-ТЕНДЕНЦИИ

Тенденции говорят о том, в каком направлении развивается теория, и поскольку институциональная экономика все еще (?) пребывает на периферии (!) господствующей в мире экономической мысли, то нелишне предварить рассмотрение (кажущихся или действительных) тенденций движением последней (ортодоксии) – если таковое имеется – в сторону институционализма (гетеродоксии).

1. Тенденции по схеме «*мейнстрим* → *институционализм*», которые включают теоретические разработки в мейнстриме, подталкивающие его в сторону институциональной (и эволюционной) экономики (см., напр.: (Hodgson, 2007, p. 8–11)).

По мнению О.И. Ананьина, в современном «мейнстриме», представлены два течения – «классическая», которая отчасти сохранилась в вальрасианской версии «менейстрима», и «теоретическая», возродившаяся в частном теоретизировании в духе чикагской школы, или «эмпирической науки экономики». Представители последней применяют «неоклассический инструментарий для анализа различных институциональных структур или объяснения отдельных экономических институтов», развивают теории – прав собственности, агентских отношений, транзакционных издержек. Эти и другие движения от мейнстрима к институционализму, будучи «частными и условными, привязанными к заложенным в них поведенческим, институциональным и иным предпосылкам», не способны дать целостное представление о какой-либо экономике (Ананьин, 2005, с. 195, 197).

2. Тенденции по схеме «*институционализм* → *мейнстрим* (неоклассика)», вклю-

чающие теоретические конструкции институциональной экономики, инкорпорируемые (исподволь?) в рамки мейнстрима, а по сути неоклассики (см., напр.: (Hodgson, 2007, p. 12–14)).

3. Тенденции по схеме «*институционализм* → *новый* (отличный от неоклассики) *мейнстрим*» (см., напр. Hodgson, 2007).

4. Тенденции в соответствии с *внутренней логикой* развития институциональной экономики.

4.1. Алгоритмизация/автоматизация институтов (*правила* → *предписания* → *алгоритмы* → *автоматы*).

Одним из существенных системных изъянов является гиперболизация самого понятия рыночной экономики и собственно рынка. О. Уильямсон, будучи сам представителем, а во многом и создателем, новой институциональной экономики выдвинул в своей знаменитой работе 1975 г. «Рынки и иерархии» (к сожалению, так и оставшейся без русского перевода) тезис о том, что «сначала были рынки» (Williamson, 1975, p. 21). Впоследствии рыночное строительство продолжается благодаря стараниям отдельных индивидов; вместе с этим формируются также иерархии (фирмы). Критерий успешности этих форм организации экономической деятельности – минимизация транзакционных издержек взаимодействия.

Дж. Ходжсон приводит контрдоводы, основанные на том, что в реальности рынки включают социальные нормы и обычаи, институционализированные обменные отношения и информационные сети, нуждающиеся в объяснении (Ходжсон, 2003). Он приходит к выводу, прямо противоположному утверждению Уильямсона, а именно: «рынки – это не начало, свободное от институтов» (*markets are not an institution-free beginning*) (Hodgson, 2007, p. 12). Такое понимание свойственно не только ему; достаточно сослаться, солидаризуясь с ним, на мнение В.Г. Гребенникова о том, что «нельзя теоретически реконструировать социальную систему из взаимодействия индивидов, если в модель поведения каждого

из них уже не заложены с самого начала особые основания действия, определяемые рефлексивными нормами» (Гребенников, 2001, с. 41). Обратим внимание на одно существенное обстоятельство: несмотря на указанные противоположные точки зрения Уильямсона и Ходжсона, оба они говорят о рынке во множественном числе, в то время как в неоклассических моделях либо фигурирует единственный рынок, либо, будь даже их много, де-факто все они сводятся по существу к одному большому рынку. Такая трактовка, облегчающая построение равновесных моделей, является в то же время грубым искажением действительности, вызванным внутренне присущим фундаменту неоклассической методологии пороком.

Признание факта зависимости рынков от институтов и активной деятельности индивидов равнозначно в известной степени признанию наличия и возможности конструирования того, что мы называем *институциональной реальностью* – социальной реальностью с врожденной институциональной тканью. Как показывают достижения экспериментальной экономики «*рынки должны трактоваться не как абстрактный и универсальный “эфир” человеческих взаимодействий, но как сознательно сконструированные системы правил* [выделенно нами – Б.Е.]» (см. рус. пер. (Hodgson, 2007), а именно: (Ходжсон, 2008, с. 10)).

Обратим внимание на два ключевых момента: *первый* – невозможность «*сконструировать лабораторный эксперимент по размещению ресурсов, не проектируя институт во всех его деталях*» (Smith, 1982, p.923); *второй* – сомнительный характер утверждения об абстрактном рынке как универсальном форуме человеческих взаимодействий, свободным от каких-либо специфических правил (McMillan, 2002).

Учет этих моментов подводит к мысли о рынках как не просто о правилах, а об алгоритмах, в более сильной и систематизированной форме представленной понятием рыночных автоматов (Mirowski, 2010).

4.2. Акцент на институты инновационного развития и инновационные институциональные изменения.

Институты инновационного развития экономики нуждаются в современных условиях ее модернизации не столько в эволюционном, сколько в революционном способе институционального развития на основе взращивания, проектирования и/или заимствования социально-экономических институтов. При этом решающим условием осуществления революционного сценария институционального развития является государственное вмешательство, наличие политической воли, понимание того, *что и как* следует делать, чтобы обновить институциональную систему, оздоровить ее и привести в соответствие с поставленными задачами модернизации и инновационного развития. При этом особенно важно осознавать ограниченность такого пути развития в том смысле, что не всякие институты могут оказаться конгруэнтными с существующей институциональной системой, особенно, в ее неформальной части. Отсюда требования к институциональным инновациям: они должны быть внедрены таким образом, чтобы было обеспечено их «естественное» укоренение в ткань зарекомендовавших себя формальных правил и существующих на протяжении веков неформальных норм.

Создание институциональных предпосылок для стимулирования инновационного развития происходит замедленными темпами и создает опасность невозможности достижения целей модернизационных и инновационных программ. Вызывает озабоченность несовершенство действующей институциональной системы (правовой и неформальной) и незаинтересованность лиц, ответственных за реализацию инновационных программ развития экономики, в успешном выполнении поставленных задач, а также практическое отсутствие механизмов преодоления негативного поведения административного аппарата.

В работе (Draskovic, Draskovic, 2009) *raison d'être* привлечения внимания к этой

тематике объясняется убеждением автором в том, что именно с опорой на такой *innovative-institutional* характер изменений только и возможно выработать – в условиях глобального и локального финансово-экономического кризиса – эффективную антикризисную политику.

Разделяя это убеждение, предложим в качестве теоретико-методологической базы инновационного развития инициированную и сформулированную академиком Д.С. Львовым социально-экономическую доктрину развития России (см., напр. (Львов, 2002)). Основание: каждая страна имеет свою специфику, обусловленную помимо прочего доставшейся в наследство институциональной, инерционной по своей сути, системой, и, продолжая данную традицию, при разработке институционального обеспечения инновационного развития отечественной экономики необходимо исходить из невозможности следования стандартным стратегическим установкам на реформирование социально-экономической системы страны с позиций рыночного догматизма.

Принципиальное значение для построения стратегий инновационного развития имеет *учет гетерогенного характера экономики*, присущих ей *институциональных*, в частности в смысле рыночного устройства, *различий* – будь-то на нано-, микро-, мезо- или макроуровне. Синонимом для передачи идеи различия является понятие *множественности*, причем как для объяснения целесообразности наличия в обществе множественных групп, общественных страт, или *социальных* – в терминологии академика В.Л. Макарова – *кластеров* (Макаров, 2010), так и для объяснения необходимости нестандартного подхода к институциональному обеспечению роста инновационного потенциала экономики любой, включая Россию, страны. Следует, однако, иметь в виду, что множественность (гетерогенность), которая «миром правит», не является панацеей, коль скоро может не только стимулировать «культурный и технологический прогресс», но и вести к разобщенности людей, дестабилизации политической

обстановки и даже «к национальным и религиозным войнам» (Вебер и др., 2009, с. 28).

5. Противоречивые тенденции.

5.1. Последовательное развитие темы усиления интереса к наличию/распределению властных отношений между взаимодействующими экономическими агентами должно бы по идее возродить интерес к понятию управленческой трансакции Дж. Коммонса. И, действительно, такой интерес наблюдается, в особенности, в последних трудах А.Н.Олейника. Более того, такого рода высказывания встречались и ранее. В их числе: критика Джеком Найтом сторонников нового институционализма за их пренебрежение важностью распределительных и властных аспектов при анализе возникновения и развития институтов (Knight, 1992); призыв Трюгве Хаавельмо к изучению индивидов не как погруженных в вакуум роботов, а как реагирующих на правила и регулирующие акты субъектов (Haavelmo, 1987); новый подход Масахико Аоки к институциональному анализу, где заданными считаются не только индивиды, но и набор доставшиеся им в наследство историей институты (Aoki, 2003); концепции (неидентичные) «человека институционального» Г.Б. Клейнера (2004) и Б.А. Ерзкяна (2000), действия которого обусловлены не аксиоматикой неоклассики, а структурирующими индивидуальное поведение институтами.

Вместе наблюдается и иная, довольно устойчивая, вследствие инерционности мышления воспитанных в духе или продолжающихся оставаться в рамках неоклассики экономистов, тенденция, для которых управленческие трансакции остаются где-то на задворках сознания. Такое отношение к трансакции, сводимой исключительно к рыночной, оставляет в лучшем случае место для трактовки власти не более чем как рыночной власти. Иначе говоря, движение в сторону усиления институциональной экономики «*институционализм* → *институционализм*» тормозится – сознательно (возможно, из добрых побуждений) или несознательно (что скорее всего) – включением противоположной уста-

новки «институционализм → мейнстрим (неоклассика)».

5.2. Ранее говорилось об алгоритмизации/автоматизации институтов. Такая линия на усиление их формализованного описания/представления/предписания идет в разрез с иной линией, как-то: на отход от увлечения формальной стороной институционального анализа, пусть и преподнесенной в элегантной модельной упаковке, с целью более углубленного понимания существа ментальных конструкций, лежащих в фундаменте институционального здания. Более того, дело даже не в самих моделях, точнее, не столько в них, сколько в инертности самих институтов как формальных правил (и/или неформальных норм) и, тем более, алгоритмов/автоматов, по сравнению с возникающими словно ниоткуда, но определенно как некая реакция, идеями и мыслями, опережающими установления, релевантность которых становится сомнительной. Уместно процитировать Ницше: «За переворотом мнений не тотчас следует переворот учреждений, напротив, новые мнения еще долго живут в опустевшем и неуютном доме своих предшественников и даже сохраняют его из нужды в жилище» (Ницше, 1990).

Сосредоточенность на глубинных основах институциональной и эволюционной экономики не может не вызвать интереса к моральным, этическим аспектам, без учета которых вряд ли можно адекватно понять суть институтов (Hodgson, 2011). Проблема не только в дополнении правил и норм поведения «моральным измерением»; она в необходимости изменения установки на понимание места и роли человека в обществе: от механической совокупности «машин для удовольствия» (читай: людей экономических) к моральным сообществам (органическому сплаву из людей институциональных/эволюционных, для которых этика имеет значение).

5.3. Тенденция к выработке непротиворечивого языка институциональной экономики уживается с противоположной тенденцией к углублению языкового и, стало быть, когнитивного размежевания, как, например, в упо-

минавшемся пассаже о различии языка старых и новых политэкономистов, продолжающих параллельное и, по сути, непересекающееся сосуществование в современном мире институциональной экономической мысли.

6. Разнообразие форм *институционального строительства* и способов достижения желаемых целей.

Обращение к институтам в терминах строительства обусловлено желанием проведения аналогий с самим строительством. При этом следует отличать объект – подлежащее строительству здание – от способов возведения самого [институционального] здания.

6.1. В теоретическом плане имеется целый спектр возможных решений.

Во-первых, это разрушение – частичное или полное – институциональной системы и построение ее с нуля. В строительстве такое не раз наблюдалось: разрушение по идеологическим мотивам Храма Христа-Спасителя и его повторное строительство с изменением господствующей в стране идеологии спустя полвека; разрушение – вместо реконструкции – гостиницы «Москва» по экономическим (так вроде бы дешевле), а возможно, и иным, мотивам и ее повторное строительство. Аналогично этому, разрушение всей институциональной рыночно ориентированной системы царской России в 1917 г. и попытка ее воссоздания на обломках плановой советской системы в 1987 и последующих годах. Это в целом. Либо разрушение общинной формы хозяйствования тогда же и неуклюжая и кровавая, но все-таки попытка ее воссоздания, хотя многими это, возможно, и не осознается, в 1930-х гг. в форме колхозов. В это ряду следует упомянуть и оставшуюся без внимания и так и до сих пор нереализованную мечту А.И. Солженицына об институциональном строительстве снизу – в виде возрождении земств как хорошо зарекомендовавшей себя в России XIX в. и, очевидно, наиболее приемлемой для реализации в XXI в. формы местного самоуправления.

Во-вторых, речь может идти об институциональном, в терминах Г.Б. Клейнера, про-

ектировании, протезировании, заимствовании (Клейнер, 2004) либо о системе промежуточных институтов В.М. Полтеровича, призванных сыграть роль наподобие строительных лесов, необходимых в процессе строительства и затем подлежащих ликвидации.

6.2. В плане практическом также возможны различные решения (от «слабого» до «сильного»).

Во-первых, это [слабая] попытка дополнения (именно как дополнение, а не как пересмотр) положений Вашингтонского консенсуса со стороны признающих его несостоятельность ученых и поэтому стремящихся как-то его спасти с помощью внесения в его набор дополнительных положений.

В состав изначального набора предписаний консенсуса вошли:

- 1) фискальная дисциплина;
- 2) переориентация общественных (государственных) расходов;
- 3) налоговая реформа;
- 4) либерализация процентной ставки;
- 5) единые и конкурентные обменные курсы;
- 6) либерализация торговли;
- 7) открытость к прямым иностранным инвестициям;
- 8) приватизация;
- 9) дерегулирование;
- 10) защита прав собственности.

В качестве одного из возможностей по спасению или корректировке Вашингтонского консенсуса было предложено (разумеется, не на уровне самого консенсуса) дополнить его еще 10-ю пунктами (Rodric, 2003):

- 11) корпоративное управление;
- 12) анти-коррупционные мероприятия;
- 13) гибкие рынки труда;
- 14) принятие обязательств по соблюдению требований ВТО;
- 15) принятие международных финансовых кодексов и стандартов;
- 16) «разумное» открытие счетов капитала;
- 17) режим установления обменного курса без посредников;

18) независимые центральные банки / контролирование инфляции;

19) сети социальной защиты;

20) целевое снижение бедности.

Во-вторых, это [сильное] стремление к построению желательной для национальной экономики институциональной системы без оглядки на требования/рекомендации Вашингтонского консенсуса. Ярчайший пример – при всех плюсах и минусах – такого, нестандартного институционального строительства продемонстрировал и продолжает демонстрировать Китай, реализующий собственную практику реформирования. Вместе с тем хотелось бы вспомнить нереализованные возможности, которые оказались, что касается России, упущенными не из-за теоретической несостоятельности предлагаемых к реализации мероприятий, а вследствие упорного нежелания следовать иному курсу, кроме как предписанному Вашингтоном, курсу под флагом – неважно, что теоретически сомнительным и практически разрушительным – неоклассического либерализма.

Практика следования единственно правильному пути имеет под собой такую же солидную – в смысле живучести, непотопляемости, повторяемости (настоящая птица Феникс!) – теоретическую основу, разделяемую многими социальными науками; в нашей стране, к примеру, на смену политэкономии марксизма-ленинизма пришла такая же (точнее, более) всесильная, потому что верная, неоклассическая экономика либерального толка. Такую приверженность к единственно верному учению Энтони Гидденс выражает понятием *эволюционного детерминизма*, под которым понимает «такие представления о социальных изменениях, согласно которым в обществе определенного типа существует только “один путь вперед”, при этом каждое общество, относящееся к этому типу, должно в какой-то момент вступить на него». Если же в каких-то обществах не обнаруживаются родовые модели развития, которые должны быть им свойственны, то это «означает, что они (общества) отстают в своем развитии» (Гидденс, 2005, с. 435, 436).

Такая приверженность единственно верному пути лежит в основе господствующей в современном мире, включая при всем своеобразии Россию, в неолиберальной экономической политики, теоретическим и идеологическим фундаментом которой является *институциональный монизм*. Противоядием для пагубного действия последнего может стать *институциональный плюрализм*, базирующийся не на абстрактных догмах, а на учете институциональных особенностей национальных экономик и возможности выбора нетривиальных путей развития (Draskovic, Draskovic, 2009). Такой плюрализм предполагает признание приоритета институциональных инноваций (Ibid), без которых невозможно представить себе институциональную модернизацию экономики и социума (Ерзнкян, 2009). С ним связываются надежды на преодоление пропасти между «формально установленными экономическими институтами [заимствованными из] зарубежных экономических политик и экономическим поведением на практике, которая далеко отстоит от стандартных норм» (Draskovic, Draskovic, 2009, p. 48).

Завершим тему словами Д.С. Львова о либерально настроенных правительственных экономистах, игнорирующих в своем стремлении быть по возможности научными «коренной принцип сложности бытия. Они априори склонны думать, что их взгляды на преобразование экономики России не только отвечают истинному здравому смыслу, но и соответствуют стандартным представлениям западных экономистов о либеральной экономике». И далее: «превратив экономическую теорию в науку в себе, радикал реформаторы забыли (думается вполне намеренно), что экономист должен к тому же быть философом, психологом, историком, правоведом, географом, также как и математиком». Традиционно в экономических исследованиях внимание сосредотачивается на сферах производства и обращения, но для истинного понимания происходящих событий не менее важными являются вытекающие из них формы «человеческого поведения и взаимодействия различных

слоев населения», ведь «товары и услуги существенным образом связаны и с людьми, которые их создают или управляют ими». Лишь при учете экономических отношений, взаимосвязей, складывающихся между людьми, «экономисты могут избежать товарного фетишизма (термин старательно забытый нашими либеральными рыночниками) и прийти к пониманию хозяйственной жизни как социальному служению» (Львов, 2008, с. 111, 112).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИМПЛИКАЦИИ ДЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Изложенные выше сдвиги в развитии институциональной экономики в виде предложенного к рассмотрению перечня новых явлений и тенденций являются попыткой ухватить наиболее значимые (наблюдаемые, анализируемые, домысливаемые) в теоретико-прикладном плане перемены без претензий на полноту их охвата. Целью статьи был скорее мониторинг и некоторый анализ явлений, включая носящих характер тенденций, чем их классификация. В центре внимания оказались также не только институциональные, но и эволюционные аспекты, которые при всей их близости (хотя бы в смысле изучающего их научного сообщества), строго говоря, различны.

Представляющие интерес в чисто научном плане сдвиги в институциональной экономике важны не только сами по себе, но и (а возможно и в первую очередь) для институциональной практики, для осуществления институциональных преобразований, направленных на формирование в стране социально ориентированной, эффективно использующей рыночные возможности и опирающейся на нравственные ценности экономики. Выявленные сдвиги – явления и тенденции – являются в таком понимании «информацией для размышления». Основанные на них размышления позволяют прийти к умозаключениям,

среди которых важное место занимают так-овые, ориентированные на инновационное переустройство отечественной экономики. Приведем несколько примеров таких импликаций с акцентом на институциональное обеспечение/сопровождение предполагаемых или предлагаемых к осуществлению процессов модернизации и инновационного развития социально-экономической системы страны.

Во-первых, институциональное обеспечение инновационного развития российской экономики предполагает создание – в частности, путем «выращивания», проектирования или заимствования – релевантной системы институтов, по преимуществу, формального характера, совместимого вместе с тем с системой неформальных институтов, способной обеспечить эффективный рост ее инновационного потенциала. В целом социально-экономические институты много- и разнообразны; соответственно, они могут быть классифицированы различными способами, учитывающими их пространственное, временное, а также иерархическое распределение.

Во-вторых, представляется целесообразным в теоретико-методологическом плане соединить идею технологической неоднородности экономики, выраженную в понятии технологических укладов, с идеей институциональных укладов, развивающихся с первыми и являющихся по отношению к ним комплементарными. При этом важно учесть, что между динамикой институциональных и технологических укладов имеется некоторое *временное несоответствие*, вызванное инерционностью институциональной системы. К этому следует добавить и *логическое противоречие* между необходимостью создания институциональных условий для «выращивания» нового технологического уклада, что предполагает *опережение* во времени институционального обеспечения, и свойственное институциональному укладу *запаздывание* по сравнению с динамикой уклада технологического.

В-третьих, на эффективность институциональной системы негативное воздействие оказывает то, что институты, опреде-

ляющие общие правила игры, подменяются на деле институциональными, по своей сути, но частными правилами, соглашениями – вроде «контрактации» государства и бизнеса. В условиях перманентной институциональной ловушки, в которой пребывает экономика России, и закрепления за страной статуса, пусть и неофициального, сырьевой державы имеются серьезные опасения полагать, что разговоры о необходимости инновационного развития превращаются не более чем в риторику.

В-четвертых, институциональное обеспечение инновационного развития невозможно без целенаправленной, ориентированной на инновации, *институциональной политики*. Определить ее можно через меры, проводимые государством, его действия по формированию новых, устранению старых и/или трансформации имеющихся собственных, трудовых, финансовых, социальных и других экономических институтов. Целью государственной институциональной политики должно стать формирование и функционирование адекватной и эффективной институциональной инфраструктуры, способной создать рамочные условия для развертывания инновационных процессов на всех уровнях институциональной структуры российской социально-экономической системы.

Литература

- Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ. М.: Наука, 2005.
- Андреев В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза (транзакционные издержки и управленческие затраты) // Вопросы экономики. 2003. № 12.
- Вебер Ш., Габжевич Дж., Гинзбург В., Саватеев А.А., Филатов А.Ю. Языковое разнообразие и его влияние на экономические и политические решения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 3–4. С. 28–53.

- Гайдай Т.В.* Методологические основы исследовательской программы традиционного институционализма // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы международной конференции. Вып. 1. М.: ГУУ, 2011. С. 59–66.
- Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.
- Гребенников В.Г.* Институционализм как методология экономической науки // Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под ред. акад. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 34–49.
- Дементьев В.* Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. 2004. №3. С. 50–64.
- Ерзнкян Б.А.* Человек институциональный, или эволюция концепции homo economicus // Вестник университета (ГУУ). Серия «Институциональная экономика». 2000. № 1. С. 28–44.
- Ерзнкян Б.* Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 121–135.
- Ерзнкян Б.А.* Специфика «контрактных» отношений государства и бизнеса в российском топливно-энергетическом комплексе // Montenegrin Journal of Economics. 2006. № 3. Р. 139–150.
- Ерзнкян Б.А.* Львовские чтения (2008–2009): развивая идеи Д.С. Львова // Наследие академика Д.С. Львова: Экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009. С. 199–205.
- Ерзнкян Б.А.* Включение социальных факторов в индивидуальные предпочтения: возможности и перспективы // Экономическая наука современной России. 2010. № 1 (48). С. 21–40.
- Ерзнкян Б.А.* Новые явления и тенденции в институциональной экономике / Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы международной конференции. Вып. 2. М.: ГУУ, 2011а. С.21–29.
- Ерзнкян Б.А.* Теоретико-методологические аспекты управляемости и целостности экономических систем: комментарии ad hoc // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 19. М.: ЦЭМИ РАН, 2011б. С. 53–63.
- Ерзнкян Б.А., Акинфеева Е.В.* Институциональная экономика: учебн.-метод. материалы (план и программа курса). М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
- Ерзнкян Б.А., Акинфеева Е.В.* Проблемы преподавания как отражение проблем современной институциональной экономики / Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы международной конференции. Вып. 1. М.: ГУУ, 2011. С. 97–105.
- Ерзнкян Б.А., Ерзнкян М.Б.* Уроки кризиса: не пора ли задуматься о развитии? // Вестник университета (ГУУ). 2009. № 2. С. 41–53.
- Зарнадзе А.А.* Целостность управления современной экономикой. М.: Транспорт, 2011.
- Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
- Клейнер Г.Б.* Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008.
- Клочков В.В., Панин Б.А.* Анализ предпосылок и последствий политизации экономической науки // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 56–68.
- Кутер Р.Д.* Теорема Коуза // Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004.
- Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
- Львов Д.С.* Миссия России / Сборник науч. трудов под науч. ред. С.Ю. Глазьева и Б.А. Ерзнкяна. М.: ГУУ, 2008.
- Львов Д.С., Зотов В.В., Ерзнкян Б.А.* К теории институтов и институциональных преобразований // Теория и практика институциональных преобразований в России. / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 8. М.: ЦЭМИ РАН, 2007. С. 5–17.
- Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.
- Мизес Л. фон.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
- Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Олейник А.* Политэкономия власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом

- в России // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 19–33.
- Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011.
- Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
- Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2011.
- Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.
- Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.
- Ходжсон Дж.* Эволюционная и институциональная экономика как новый мейнстрим? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 2. С. 8–21.
- Шаванс Б.* Институциональная экономика. М.: Институт экономики РАН, 2011.
- Aoki M.* Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge: MIT Press, 2003.
- Draskovic V., Draskovic M.* Priority of the Anti-crisis Economic Policy Based on Innovative-Institutional Changes // Montenegrin Journal of Economics. 2009. Vol. 5. No. 10. P. 47–53.
- Frey B.S.* Economists in the PITS? / CESinfo Working Papers, 2009. March. № 2594.
- Haavelmo T.* Econometrics and the Welfare State (1989 Nobel Lecture) // American Economic Review. 1987. № 87 (supplement). P. 13–17.
- Hodgson G.* What I am Working on Now. 1 March 2011 // www.geoffry-hodgson.info.
- Hodgson G.* The Hidden Persuaders: Institutions and Individuals in Economic Theory // Cambridge Journal of Economics. 2003. Vol. 27. № 2. March.
- Hodgson G.* The Evolution of Institutional Economics. Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism. L.: Routledge, 2004.
- Hodgson G.M.* Characterizing Institutional and Heterodox Economics – A Reply to Tony Lawson // *Evol. Inst. Econ. Rev.* 2006. Vol. 2. № 2. P. 213–223.
- Hodgson G.M.* Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? // *Evol. Inst. Econ. Rev.*, 2007. Vol. 4. № 1. P. 7–25.
- Hodgson G.M., Knudsen T.* Dismantling Lamarckism: Why Descriptions of Socio-Economic Evolution as Lamarckian are Misleading // *Journal of Evolutionary Economics*. 2006. Vol. 16. № 4. P. 343–366.
- Hodgson G.M., Knudsen T.* Darwin's Conjecture: The Search for General Principles of Social and Economic Evolution. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
- Lawson T.* The Nature of Institutional Economics // *Evolutionary and Institutional Economics Review*. 2005. Vol. 2. № 1. P. 7–20.
- Knight J.* Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- McMillan J.* Reinventing the Bazaar: A Natural History of Markets. N.Y.: L.: Norton, 2002.
- Mesoudi A.* Cultural Evolution: How Darwinian Evolutionary Theory Can Explain Human Culture and Synthesize the Social Sciences. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- Mirowski P.* Inherent Vice: Minsky, Markomata, and the Tendency of Markets to Undermine themselves // *Journal of Institutional Economics*. 2010. Vol. 6. Issue 4. P. 415–443.
- Nelson R.H.* Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001.
- North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton, 1981.
- North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World. A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Pelikan P.* Evolutionary Developmental Economics: How to Generalize Darwinism Fruitfully to help Comprehend Economic Change // *Journal of Evolutionary Economics*. 2010. online: DOI 10.1007/s00191-010-0178-0.
- Rapaczynski A.* The Roles of the State and the Market in Establishing Property Rights // *Journal of Economic Perspectives*. 1996. Vol. 10. № 1.
- Rodric D.* Growth Strategies. Working Paper 10050. Cambridge: NBER, 2003.

Smith V.L. Microeconomic Systems as an Experimental Science // American Economic Review. 1982. Vol. 72. № 5.

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. N.Y.: Bedminster Press, 1968.

Williamson O.E. Markets and Hierarchies: Analysis and Anti-Trust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization. N.Y.: Free Press, 1975.

Рукопись поступила в редакцию 25.11.2011 г.

ВЫБОР ТЕХНОЛОГИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РЕСУРСОЗАВИСИМОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

В.Д. Матвеевко

В модели экономического роста с трехфакторной производственной функцией показано, что темп экономического роста в ресурсозависимой экономике зависит от распределения дохода между «владельцами» факторов производства – труда, капитала и используемых природных ресурсов. Учитываются ограничения, которые накладывает на распределение дохода возможное несогласие между указанными социальными группами по поводу выбора технологий и распределения дохода.

Ключевые слова: экономический рост, производственная функция, технический прогресс, природные ресурсы, ресурсное проклятие, распределение дохода, доли факторов.

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, экспорт природных ресурсов из России превышает 10% ВВП, что обеспечивает значительное положительное сальдо счета текущих операций. Отношение к этому факту в российском обществе двойственное. С одной стороны, налицо чувство вины перед будущими поколениями за рас-

© Матвеевко В.Д., 2012 г.

¹ Статья написана на основе доклада автора «Экономический рост и ресурсозависимость», прочитанного на заседании Секции экономики Отделения общественных наук РАН 4 февраля 2010 г. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 11-01-00878а).